

Халлин вернулся в медблок после очередного и очень тревожного вызова по комлинку, тревожного не только из-за личности вызывающего – Императора, требовавшего почти ежечасного отчета о состоянии пациента – но вновь из-за самого содержания разговора.

При первом вызове несколькими днями ранее он был тщательно опрошен по каждому аспекту ран Наследника, пока фактически находился в операционной с вытянутыми перед собой руками в перчатках, а комм для него с весьма брезгливым видом держал офицер. При этом пять хирургических дроидов продолжали работу над внутренними травмами Скайуокера, а команда еще из пяти дроидов пыталась восстановить раздробленные кости руки.

Прибегая к недвусмысленным выражениям, Палпатин довольно ясно дал понять, что, несмотря на объяснения Халлина о необходимости ампутации левой руки Наследника из-за обширности ее повреждений, делать это при любых обстоятельствах было запрещено. За исключением ситуации, когда травма станет прямой угрозой жизни. Но даже тогда, это допускалось только с прямого разрешения Императора. Если в будущем рука вызовет осложнения, тогда эту проблему и решат. В данный же момент задачей Халлина было стабилизировать Наследника в ожидании прибытия Лорда Вейдера.

При втором разговоре Император уточнил, какие препараты могут использоваться, а какие нет, учитывая их действие на организм форсьюзеров.

В следующий раз он сообщил, что в случае смерти Наследника Халлину необходимо собрать различные органические образцы его тела и сделать это нужно будет до того, как начнется распад на клеточном уровне. В абсолютной конфиденциальности от всех, включая Джейд, Рииса и Лорда Вейдера.

Во время последней коммуникации Халлину было разъяснено – способом, каким умел это делать лишь Палпатин – как отразится смерть Наследника на продолжительности собственной жизни доктора. И перспективы эти были не слишком радужны.

Все это ставило Халлина в весьма затруднительное положение. Потому что преданность его принадлежала Скайуокеру, а не Палпатину; так было уже некоторое время. И снова, для обсуждения этих разговоров, он зашел в апартаменты Рииса, которые Наследник регулярно очищал от приборов слежения, а затем, на обратном пути в отделение интенсивной терапии, который раз тревожно обдумывал факт, что пока Наследник не очнется, у них попросту связаны руки.

Он прошел через многочисленных солдат и посты охраны, организованные перед входом в медблок и устало поплелся по темному отделению; подойдя к палате Скайуокера, доктор заглянул внутрь через стеклянную стену, закрытую жалюзи под углом, позволяющим наблюдение... и встал, замерев на месте.

Как и все четыре предыдущих дня, Мара Джейд по-прежнему находилась в палате, свернувшись в прикроватном кресле. Золотисто-рыжие волосы пылали в тусклом освещении. Она спала, опираясь головой о приподнятый край больничной кровати, изогнув и положив руку так, что ее пальцы переплетались с пальцами командующего...

Халин стоял неподвижно, как истукан. Не загляни он в нужный момент, он никогда бы не увидел этого. Неужели между ними есть связь...?

Все время, что Халлин знал командующего, Мара почти всегда была рядом, и доктор знал, что тот намеренно держит ее так близко и никому не позволяет оскорбительно отзываться о ней..., но в то же время Люк предупреждал и Халлина, и Рииса, что ей нельзя доверять. С другой

стороны, он никогда не раскрывал своих карт, пока не чувствовал, что это необходимо – и пока он не был уверен, что они должны что-то действительно знать, шансов на то, что он расскажет им это, не было. Но даже Халлин мог видеть, насколько сногшибательной женщиной была Мара. Внезапно подумалось, а знал ли об этом Риис? Или Халлин просто все не так понял?

Подойдя к двери, доктор пнул по ней и громко кашлянул, прежде чем зайти внутрь с опущенной головой... и вот, когда он вошел и поднял взгляд, Джейд сидела, вытянувшись в струнку и положив обе руки на подлокотники кресла.

Интересно...

Спустя пять дней Халлин спускался по рампе шаттла, приземлившегося на одну из небольших посадочных площадок вблизи частного медцентра Дворца, сопровождая лежащего в медкапсуле Скайюокера. Массивная и оснащенная всем необходимым оборудованием капсула служила системой жизнеобеспечения. Состояние Скайюокера оставалось критическим, он по-прежнему находился в коме. Однако с прибытием Лорда Вейдера на корабль ухудшение состояния приостановилось; Вейдер проводил часы со своим сыном, часто стоя у изголовья кровати, опустив в концентрации голову и приложив затянутые в перчатки руки к его вискам, либо стоя сбоку с ладонью на оперированной груди Люка.

Скайюокера дважды возвращали в операционную – при резком падении давления; во второй раз над ним работал особый специалист-травматолог, для которого «Экзекутор» делал остановку, чтобы тот смог взойти на борт и дать экспертную оценку врачебной бригаде. От способностей которой сейчас зависела не только карьера ее членов, но, вероятно, и их жизнь.

На данный момент они бились только за то, чтобы удержать Наследника среди живых.

Процессия, сопровождающая Скайюокера, остановилась лишь на краткий миг, когда к ним подошел Император. С напряженным выражением лица, болезненная желтизна которого была особенно заметна при резком свете дня, он на мгновение приложил ладонь к плотно закрытой капсуле и затем отступил, позволяя небольшой группе нервничающих врачей с серьезными лицами пройти дальше. Внимание всех было устремлено к их хрупкому пациенту.

Халлин не расслабился даже после того, как Скайюокера устроили в отделении интенсивной терапии; на данный момент он не мог сделать ничего, кроме как только следить за ситуацией. Пока не было никакой реальной стабильности, и правда состояла в том, что здесь, во Дворце, квалифицированных специалистов и продвинутых технологий было не больше, чем на «Несравненном».

Скайюокер ни разу не приходил в сознание, и его мозговая активность не указывала на нахождение в каком-либо трансе Силы, за исключением тех моментов, когда его отец тихо стоял рядом, приложив руки к вискам сына, как он делал сейчас.

Лорд Вейдер оставался удивительно... подавленным во время сражения за сына, постоянно находясь рядом и лишая тем самым такой возможности Джейд (эти двое и в лучшие времена представляли собой гремучую смесь). Халлин ожидал некой взрывной реакции, кары на их головы, как только Вейдер прибыл, но тот был странно и нехарактерно пассивным. Сдержанным и хранящим самообладание – даже в момент, когда его сына вновь срочно забрали в операционную.

Двери медцентра резко распахнулись и внутрь вошел Император, указывая своей свите остаться снаружи. Желтые глаза безжалостно впились в Халлина.

- Как мой джедай, доктор?

- Он ээ... ост... эмм... - «Возьми себя в руки!» - Я... боюсь, он остается в критическом состоянии, Ваше Превосходительство. У Наследника очень серьезные травмы. Из-за близости взрыва он получил множественные тупые и проникающие ранения, которые привели к внутреннему кровотечению и гиповолемическому шоку. Вследствие тупой травмы головы образовалась трещина в лобной части черепа, что привело к начальным судорогам. Последующее сканирование показало, что это находится под контролем, однако мы пока не можем делать прогнозы касательно дальнейших осложнений. К тому же Наследник получил множество внутренних повреждений от шрапнели, некоторые из которых очень серьезны - один осколок повредил трахею, нанеся острые повреждения, что привело к большой потере крови.

В результате произошло резкое падение давления, что в свою очередь ограничило поступление кислорода в мозг. И, как вы знаете, он также получил сложные раздробленные и спиральные переломы в левой части тела, которые разрушили лучевой и плечевой суставы руки, акромион, лопатки и обе ключицы. Последний удар привел к повреждениям позвоночника в области поясницы, а точнее 4-ого и 5-ого позвонков. А также, вероятно, к вывиху бедра и лодыжки, и к перелому нескольких ребер, одно из которых прокололо правое легкое.

- Я не спрашивал, что случилось, - вымучил из себя Император. - Я спросил о его нынешнем состоянии.

Чтобы успокоиться, Халлину потребовалось время, равное одному удару сердца.

«То есть медицинскими терминами его не ослепить».

- При таких тяжелых травмах вторичные последствия довольно частое явление, вызванное шоком и последующими осложнениями, что создает проблемы в настоящее время и делает трудным стабилизацию пациента, хотя с ним работает крайне опытная команда специалистов, пытающихся сделать все возможное.

- Без какого-либо результата, вы это хотите сказать?

Халлину нечего было ответить на это язвительно-режущее замечание.

Палпатин с отвращением отвернулся, вошел в затемненную часть комнаты, где находилась система жизнеобеспечения, и встал возле мальчика. Его отец отошел в сторону, выправляясь и отдавая почтительный поклон, который был полностью проигнорирован.

В мальчишке была неподвижность - и в теле, и в разуме; неподвижность в Силе. Он положил ладонь на истерзанную грудь мальчика, раздвинул пальцы и, сомкнув веки, начал искать... Крохотная искра... которая и не гасла, и не пыталась разгореться. Палпатин открыл глаза, полный разочарования и опасений. Неужели вся его работа, все затраты сил и времени потрачены впустую?

Если мальчишка умрет, это, конечно, не станет концом его великого плана, но в значительной степени замедлит его. Жизнь Скайуокера можно поддерживать искусственно до тех пор, пока его полезность не сойдет окончательно на нет. Но Палпатин не хотел терять то, в чье создание столько вложил. Он не хотел терять эту мощь.

Палпатин долго и пристально всматривался в своего падшего джедая, наблюдая, как в тусклом свете медицинского блока лишь при помощи машин вздымалась и опускалась его грудь. В конце концов ситх протянул руку и провел длинным кривым ногтем вдоль глубокого,

страшного и все еще воспаленного шрама, идущего от багрового заплывшего глаза через щеку и бледные губы Скайуокера.

Медленно он осознал, что отец мальчишки тихо стоит рядом... и поднял на него взгляд.

Вейдер наблюдал, как Император, прижав ладонь к груди мальчика, искал знакомое присутствие в Силе - обычно похожее на раскаленный поток света сейчас оно походило на тлеющие угли - и он знал, что скажет его Мастер. Он наблюдал, как тот изучал мальчика, потерявшись в мыслях и видя лишь свои драгоценные планы - боясь, что они могут не осуществиться; и все же он знал, что скажет Император. Вейдер наблюдал, как тот протянул руку и коснулся воспаленной уродливой раны на лице его сына, идущей от самого лба до подбородка, обжигая Вейдера, словно она была его собственной, и он ждал слов, которые должны были последовать.

Он знал их, потому что они проносились в его собственной голове уже тысячу раз с тех пор, как он увидел Люка, истерзанного, раненого и изломанного, лежащего в смертельной неподвижности.

Палпатин взглянул на него и произнес холодным и абсолютно непреклонным голосом:

- Это должен был быть ты.

Затем он развернулся и вышел из комнаты, а Вейдер вновь склонил голову к сыну, жалея каждым фибром, что это не так.

Халлин тихо стоял у кровати, проверяя показания приборов - в который раз за этот день - и надеясь на хоть какие-то изменения. Он осторожно попытался приоткрыть правый глаз командующего: от внутреннего кровоизлияния белок передней камеры и радужная оболочка зрачка до сих пор были красного цвета. По прошествии времени кровь потемнела, но по-прежнему не рассасывалась. Вдобавок из-за сильного удара в лицо, радужная оболочка раскололась, повреждая хрусталик, что вызывало опасения, что он ослепнет на этот глаз. Специалисты уверяли, что это поддается лечению или, по крайней мере, искусственной замене, но все ждали, когда уйдет кровь и спадет опухоль, прежде чем сделать более точный прогноз.

Все просто ждали...

Пятнадцать дней со дня взрыва, и они все еще только ждали. По истечению четырнадцати дней Люк прошел границу предпочтительных сроков. И хотя у него оставалось немало времени до конечного предела в тридцать пять дней, теперь его шансы на полное восстановление неизменно уменьшались в сторону возможности регрессии до вегетативного состояния.

Халлин наклонился к нему поближе и отчетливо и громко произнес:

- Просыпайся. Ты делаешь это нарочно, и это не смешно.

Он осмотрел левую руку Скайуокера, по-прежнему заключенную в поликарбонатную, перетянутую ремнями форму. От запястья до локтя и от локтя до плеча торчали длинные высокопрочные спицы, снимающие напряжение с разрушенных костей, настолько ужасно поврежденных, что удержаться по-другому они не могли. Еще две спицы поддерживали сломанные ключицы.

В самой первой колоссальной по объему серии операций команда из трех хирургических

дроидов почти семь часов собирала фрагменты разрушенных костей, чтобы спасти руку Скайюокера, пока Халлин со своей командой был сосредоточен на внутренних травмах.

Недостающие фрагменты они заменили лабораторно выращенным губчатым материалом, ламинируя раздробленные части костей вместе и закрепляя их десятками хирургических булавок, используя внешние растяжки, чтобы ослабить давление во время такой тонкой работы и покрывая вновь собранные кости и суставы ксенотолом. Они восстановили раскромсанные мышцы, практически оторванные от костей, заполняя места потерянной плоти большим количеством специально выращенных культур клеток; затем они зашили кожу - используя пропитанную бактой синтетическую плоть там, где зашивать было нечего; после всего этого руку поместили в отлитую из поликарбонита форму, разрезанную на отдельные части, чтобы была возможность установить в кости спицы.

Нейтан проверил трубку на шее Люка - ту, что держала открытой его восстановленную трахею, затем проконтролировал трубку, отводящую жидкость из отказавшего легкого. Спицы, впившиеся в кроваво-синюю измученную плоть ключиц, мирно поднимались и опускались синхронно шипению дыхательного аппарата. Нахмурившись, Халлин вновь перевел взгляд на левую руку Скайюокера. После взрыва она была сплошным месивом - гораздо лучше было бы ее ампутировать. Халлин и собирался так сделать, и уже загрузил специальную программу в хирургического дроида, когда Император по связи остановил его. Теперь, в лучшем случае, впереди ждало очень долгое и трудное восстановление.

Искусственная кисть правой руки Люка была повреждена настолько, что уже не подлежала ремонту, и ее удалили. Для нового протеза уже выращивалась искусственная кожа. Вживленные контакты, которые связывали органические нервы с синтетическими сейчас были аккуратно отсоединены и связаны в узел в ожидании новой установки. Длинный хромированный фиксатор, вживленный в кость три года назад, когда устанавливался первый протез, торчал из обрубка руки.

Одним словом, выглядел он ужасно - пугающе, по сути, даже для Халлина. Доктор устало потер глаза.

- Ты мог бы спать, друг мой, но это стоит мне собственного сна. Если бы ты не возражал сейчас проснуться, я смог бы, возможно, хоть немного вздремнуть.

Кто-то тихонько постучал в дверь; на пороге стояла командер Джейд, вопросительно подняв брови, Халлин кивнул ей, разрешая войти.

- Есть какие-нибудь изменения? - с робкой надеждой спросила она. Прошло пять дней с тех пор, как Мара была здесь последний раз, пять дней с того дня, что они прибыли во Дворец.

Халлин отрицательно покачал головой:

- Никаких, мне жаль. Может, вы хотели бы посидеть с ним немного? Лорда Вейдера не будет несколько часов.

Он сразу же пожалел о последних словах, неблагоприятно говорить так открыто здесь; сказывался недостаток сна. Но она, не отрывая взгляда от Скайюокера, только кивнула и подошла ближе.

- Вы должны разговаривать с ним. Его барабанные перепонки восстанавливаются, и теперь он может услышать вас. Иногда, это помогает, - Нейтан слышал пораженческие нотки в собственном голосе, но был слишком усталым, чтобы скрывать их. Разворачиваясь и шаркая

ногами, он побрел к выходу.

Когда он был уже возле двери, Джейд тихо окликнула его:

-Халлин? Я только хотела... - лицо ее было смущенным, а голос лишен привычной уверенности.
- Спасибо. За то, что вступились за меня. Я знаю, что это были вы.

Он устало улыбнулся:

- В этом месте бывают какие-нибудь тайны?

Она склонила голову набок, сверкая зелеными глазами в тусклом свете.

- Больше, чем вы думаете.

Халлин замер от этих слов, но все же сумел выдать маленькую смущенную улыбку, и впервые она улыбнулась в ответ, глядя куда-то вдаль:

- В любом случае... спасибо.

Перед тем, как выйти из комнаты, Нейтан, приподняв брови, многозначительно посмотрел на Люка и прекрасно-выдержанным, как всегда, тоном ответил:

- Я сделал это не ради вас.

Мара повернулась к Скайоукеру и ласково улыбнулась ему.

- Эй, помнишь меня?

Ей было запрещено посещать Люка с тех пор, как они прибыли во Дворец - с тех пор, как в первую же ночь, застав ее в этой комнате, Палпатин обрушил на нее свой гнев.

- Что ты здесь делаешь? - прошипел он, заставляя Мару внутренне содрогнуться. Она еще не видела Императора после их прибытия.

- Я просто... проверяла...

- Ты не имеешь права быть здесь, - едкие слова были пропитаны ожидаемым обвинением, но Мара сморщилась, не зная как вести себя под его испепеляющим взглядом. - Учитывая, что ты, кажешься, неспособной к исполнению обязанностей, которые я возложил на тебя, ты освобождаешься от них. Возвращайся к себе. Больше никаких контактов между тобой и моим джедаем.

Мара похолодела. Еще до того, как она услышала это, у нее все сжалось внутри, но сейчас наказание камнем обрушилось на нее.

- Я не могла его остановить, я пыталась...

- Пыталась? - с презрительной насмешкой переспросил он. - Рука Императора не пытается и не ноет, как ребенок. Ты - жалкое существо. Убирайся!

Он повернулся к своему джедаю, протянул к нему руку и затем вновь взглянул на застывшую Мару.

- УБИРАЙСЯ! - тяжелый удар Силы отбросил Мару назад, выбив воздух из легких; она лишь успела поднять перед собой руки, чтобы защититься, прежде чем врезаться спиной в стену.

Скайоукер вздрогнул во сне, показатели на мониторах на мгновение взметнулись вверх, и Император уже не смотрел, как с трудом оправившаяся Мара поклонилась ему и, пошатываясь, вышла вон. В коридоре она прошла мимо Халлина - тот никогда не отходил далеко от Наследника - но не повернулась и не посмотрела на него, идя вперед с опущенной головой и безжизненным взглядом.

И теперь, внезапно, Маре было позволено вернуться; спустя пять дней, в которые ее буквально выворачивало наизнанку от беспокойства, в которые на каждый посланный без счета запрос о состоянии Люка в ответ приходило лишь сухое официальное уведомление: Наследник недоступен и его местонахождение конфиденциально.

А потом, менее часа назад, ее посетил Сейт Пестаж. Он сообщил, что Император, в своем щедром великодушии, решил дать ей еще один шанс реабилитироваться в его глазах. Она будет восстановлена - условно - на прежнюю должность. И не потому, что он верит в нее, а потому что получил совет с медицинской точки зрения: в настоящее время в интересах Наследника лучше держать рядом с ним тех, кто ему хорошо знаком.

Она направилась сюда немедленно. Фактически она бежала.

И сейчас Мара стояла у кровати человека, который медленно, но уверенно пробрался через все выстроенные ею барьеры, через всю защиту, которой она пыталась отгородиться от него. И самое досадное: он даже не понимал и не осознавал этого. Но знал он или нет, он пробирался под ее кожу, приводил в беспорядок мысли и заставлял ее желудок делать маленькие кульбиты всякий раз, когда позволял себе улыбнуться или посмотреть на нее полным тонкой иронии и обаяния взглядом. Пять дней вдали от него... Ужасающая мысль, что она, возможно, больше никогда не увидит его, висела над Марой подобно грозовой туче. И это дало ей понять кое-что.

Она с раннего возраста жила во дворце, и ее готовили к тому, что когда-нибудь она станет солдатом, а солдата учили, что в любой сложной ситуации нужно отстраниться, успокоиться и здраво взглянуть на факты. Прийти к заключению, основанному на этих фактах и затем наметить курс действий, который сведет воедино твои выводы с целями твоей задачи.

Ей потребовалось крайне много времени, чтобы прийти к таким выводам касательно Люка и точно понять, чего именно она хочет. Много из этого шло вразрез со всякой логикой. Но ей стало ясно, как никогда раньше: в таком случае нужно попросту послать свод правил к черту и продолжать жить с этим, справляться с этим и прекратить пытаться игнорировать это. Она пыталась все последние три года, и результаты на сегодняшний день были далеко не блестящими.

Новая тактика. Новое направление.

- Слушай меня внимательно, Люк Скайоукер. - Слова должны были прозвучать грозно и сердито, но получились тихими и испуганными, и это редкое явление заставило ее чувствовать себя так еще больше. - Слушай меня внимательно и прекрати валять дурака. Ты вернешь свою задницу в строй и откроешь свои глаза, потому что если ты думаешь хоть на секунду, что я позволю тебе снова оставить меня совсем одну, ты очень ошибаешься. Это все твоя вина - твоя и твоих глупых больших голубых глаз. И тебе лучше бы открыть их, прежде чем я подобью их оба! С кем, черт возьми, я должна играть в сабакк, если нет тебя? Мне даже не нравится сабакк! Я провожу десять часов в неделю, играя в игру, которая мне даже не нравится,

задолжав тебе жалованье почти за два года! Это ведь должно что-то говорить тебе... Для парня, который может читать мысли, ты кажешься чертовски неспособным понять мои. - Она рассматривала его еще долгое время, ожидая какой-нибудь реакции...

В конце концов, она вновь тяжело села, протянула руку и провела тыльной стороной пальцев по его израненной щеке, нежно убирая с лица волосы и глубоко вздыхая.

- Проснись, Скайюкер, - тихо произнесла она. - Не морочь мне голову. Ты уже заморочил мое сердце.

Халлин тихо стоял за углом, в нескольких шагах от двери, и улыбался. Вот, что ему было нужно - забыть про все эти сканирования, данные и цифры; вот, что было нужно Люку Скайюкеру. Ему был нужен кто-то, кто бы заботился о нем, кто-то, с кем у него была связь, кто-то, кто мог бы прийти и вернуть его обратно. Ему был нужен кто-то, кого он хотел слышать - ему был нужен кто-то, кому был нужен он сам.

- Черт побери, а я молодец, - уходя, пробормотал Халлин.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1245395>